

Л. Ф. Ивонина

Музыкальное образование в регионах: кризис целей

Проблема децентрализации музыкального образования в России связана с решением вопросов расширения рынка труда путём создания новых рабочих мест в регионах за счёт развития культурной инфраструктуры. Во многих регионах России нет условий для получения полного музыкального образования, в результате юные музыканты вынуждены уезжать из малых городов России и сначала учиться, затем трудоустраиваться в крупных культурных центрах. Этот процесс ведёт к обеднению культурной жизни на местах и способствует снижению мотивации к профессиональному обучению в области музыкального искусства. Положение в музыкальном образовании в регионах отражает общие тенденции развития образования в кризисные эпохи, заключающиеся в неясности целевых установок, в перспективе возможной невостребованности многих профессий в будущем. Антикризисной мерой может стать всестороннее развитие гуманитарного образования как обеспечивающего повышение качества жизни общества и наращивание человеческого капитала.

Ключевые слова: Музыкальное образование, музыкальное искусство, профессиональное обучение, музыкальная культура регионов.

Lyudmila Ivonina

Music Education in Non-Central Regions of Russia: Crisis of Goals

To decentralise the music education in Russia, it is necessary to find a way to expand the job market by creating new jobs in non-central regions, which can be achieved by developing the cultural infrastructure. In many regions of Russia, young musicians do not have the possibility to do the full cycle of music education; as a result, they are constrained to leave their home towns and study in large cultural centres, then find a job there. This process leads to cultural impoverishment in minor towns of Russia, which reduces the motivation to pursue a professional training in music arts. This situation reflects general tendencies in the development of education in times of crisis: the goals are unclear, and the potential demand for many professions may decrease in the future. A measure that could help prevent the crisis would be developing education in humanities as a way to increase the quality of life for the entire society and grow human capital.

Keywords: music education, music arts, professional education, music culture in non-central regions.

Как бы ни критиковали сегодня цифровую эпоху, она имеет безусловное достоинство, а именно: доступность информации. И профессионалы, и непрофессионалы являются равными «пользователями» единого пространства информационных ресурсов. Как и всякое явление, информационное поле имеет свои полюса и может быть выражено как в информационной избыточности, так и в недостаточности.

Если недостаточность информации восполняется работающими в этой области профессионалами, то избыточность создаёт довольно большие трудности, связанные с проблемой отбора необходимой информации в условиях её свободного распространения.

В результате субъективного отбора информация часто используется в интерпретированном виде, поскольку на пути от источника информации к адресату находится «передающее звено» [3, с.129]. Интерпретированная информация нуждается в критическом отношении к ней, что делает актуальным вопрос о культуре потребления, ибо использование контента требует определённой ответственности в связи с применением его на практике.

Ярким примером может служить насыщение медиаресурсов самым разнообразным музыкальным контентом. Наряду с общепризнанными фондовыми

записями, поиск предоставляет пользователю записи, сделанные в учебных целях (что не умаляет в целом их эмпирической ценности). Сравнение качества записей и глубины интерпретации становится возможным благодаря наличию собственного художественного вкуса, профессиональных приоритетов и критического отношения к качеству художественного продукта.

Таким образом, качество информационной среды зависит, в том числе, и от общего уровня гуманитарной культуры современного общества, в частности – музыкальной.

От вопроса информационной доступности довольно легко перейти к заявленной теме, поскольку именно благодаря данному явлению стала возможна относительная децентрализация музыкальной культуры: в каждом, даже небольшом, населённом пункте условный среднестатистический пользователь может посмотреть и прослушать, например, концерт Венского филармонического оркестра в Золотом зале Венского музыкального общества.

Казалось бы, доступность различного контента должна превращать человека в абсолютного потребителя, но это не так. Доступным стало не только потребление, но и размещение продуктов собственного творчества, что выражается в появлении на личных страницах, в блогах, сайтах, каналах самых разных проявлений самореализации.

Но массовое творчество не может создавать само себя. Выходя на уровень самостоятельной практики, творец-любитель неминуемо ищет обращения к опыту профессионалов, и на его запрос отвечают те же электронные ресурсы. «К услугам» потребителя в сети существует громадное количество мастер-классов, позволяющих осуществлять вполне реальное и качественное самообразование.

Вместе с тем, такое «сетевое» обучение носит односторонний характер. Наставник в компьютере (если речь не идёт об обучении онлайн) не вступает с принимающей стороной в акт коммуникации, а только сообщает информацию. В итоге, «сообщающее» обучение вновь заменяет собой творческий обмен информацией, являющийся неоспоримым преимуществом контактного формата занятий. Таким образом, в цифровую эпоху «живое» образовательное пространство приобретает особую ценность, а значит, заслуживает тщательной проработки концепций, стратегий, программ.

Рассмотрим этот вопрос на примере образовательного пространства в области музыки в регионах.

Процесс централизации музыкальной культуры имеет многовековую историю, и шансы на изменение ситуации невелики. Учебные заведения, являющиеся активными проводниками общегосударственных программ развития музыкальной культуры, целенаправленно осуществляли и осуществляют отбор наиболее талантливых детей для дальнейшего их обучения в центральных школах. Постоянно проводились «поиски талантов» (и проводятся сейчас), с одной стороны, чтобы предоставить возможность таланту развиваться в полной мере, с другой стороны – чтобы обеспечить необходимый уровень творческого контингента в ведущих культурных учреждениях, естественно, имеющих центральное расположение.

«Путешествие» юного таланта в большой мир музыки зачастую было постоянным перемещением по «карьерной лестнице», связанным со сменой места проживания: из села в районный центр, из райцентра в город, из города в столицу и далее – за рубеж. Именно такую модель истории успеха часто встречаем в биографии той или иной выдающейся личности. Объективный результат – естественное культурное обеднение малых городов и усиление мощи столичного культурного капитала.

Ситуация не подлежит критике – прежде всего потому, что таким «перемещением» из края в центр таланту создаются условия для его роста. Но все ли таланты удалось выявить таким образом – вопрос неразрешимый. Можно даже сказать – вопрос случая.

Именно на «случайности», на наш взгляд, делает акцент М. Гладуэлл [4], убеждённый в том, что история успеха пишется не только благодаря упорству и таланту, но и с помощью благоприятных возможностей. Талант, по Гладуэллу, является результатом «сложного переплетения способностей, благоприятных возможностей и случайно полученного преимущества».

В этом «переплетении» трёх факторов просматривается взаимодействие личности и среды, поскольку «именно перед успешными людьми зачастую открываются особые возможности, ведущие к ещё большему успеху». То есть наиболее талантливые попадают к лучшим педагогам в лучшие учебные заведения, а затем с ними подписывают контракты лучшие импресарио.

И если с «лучшими» педагогом и импресарио всё более или менее ясно, хотя и тут элемент случайности имеет большое значение, то связка «талантливый ученик – лучшее учебное заведение» нуждается в рассмотрении.

М. Гладуэлл описывает ставший широко известным эксперимент психолога А. Эриксона, проведённый в Академии музыки в Берлине.

Почти все участники эксперимента (скрипачи) начали играть на инструменте примерно в одном возрасте. В течение первых лет все они занимались примерно одинаково, но лучшие ученики постепенно стали заниматься больше остальных, и к концу обучения у лучших студентов в общей сумме набиралось до 10 000 часов занятий. По мнению специалистов, десять тысяч часов эквивалентны примерно трем часам практики в день, или двадцати часам в неделю на протяжении десяти лет.

Был сделан следующий вывод: «людей, обладающих достаточными способностями, чтобы поступить в лучшее музыкальное учебное заведение, различало лишь то, насколько упорно они трудились».

Таким образом, конструкция «лучший ученик – лучшее учебное заведение» означает примерно следующее: учебное заведение должно предоставить ученикам возможность наиболее полно себя раскрыть, а ученики должны иметь талант этой возможностью воспользоваться.

Далее – вопрос: могут ли музыкально одарённые дети получить условия «благоприятных возможностей и случайно полученного преимущества» в регионах России, или эти составляющие присущи только городам федерального значения – Москве и Санкт-Петербургу?

При беглом обзоре: на 85 регионов России приходится 12 консерваторий и всего 9 специализированных музыкальных школ-десятилеток, имеющих общеобразовательный цикл. То есть, как минимум, в 73 регионах (все цифры очень приблизительны) о непрерывном музыкальном образовании – начальное-среднее-высшее – говорить не приходится. «Недостаток» консерваторий в нашей стране компенсируют вузы, реализующие образовательные программы по специальностям и направлениям музыкального искусства: получить музыкальное образование можно в вузах культуры, вузах искусств, многопрофильных вузах (университетах). И чисто внешне вопрос кажется решаемым в системе школа-училище-вуз, но это лишь поверхностное впечатление.

Основная проблема – как городов-миллионников, так и «малых городов» России – в том, что по причине неразвитой или малоразвитой культурной инфраструктуры (здесь имеется в виду только отрасль музыкального искусства и музыкального образования) выпускникам вузов нет возможности устроиться на работу в любой «географической точке» нашей страны. Результат: если музыкально одарённый ребёнок хочет стать музыкантом-профессионалом, он должен уехать из своего родного города, как бы ему ни хотелось остаться там жить.

Вопрос трудоустройства, как ни странно, «бьёт» по самой незащищённой категории населения: нашим детям. Выбирая путь воспитания своего ребёнка, родители не проходят мимо «экономической» составляющей профессиональной перспективы и планируют обучение, исходя из гарантий будущего материального обеспечения с помощью получаемой профессии. И здесь образуется связь: негде работать – незачем учиться.

Известно, что результат является системообразующим фактором любой системы. Исходя из этого формируются стратегии обучения: если родители видят своего ребёнка «большим» музыкантом, то они понимают необходимость программ «интенсивного» обучения музыке, например – воспитания будущих виртуозов. И вновь все приходит к выводу: для реализации амбициозных музыкальных планов нужно ехать в федеральные центры страны.

Как эта проблема выглядит с точки зрения довольно близкого будущего?

По мнению исследователей [10], внедрение в нашу жизнь интеллектуальных систем в целом обострило проблему сокращения рынка труда, что ведёт к его преобразованию. На наш взгляд, в качестве компенсационных механизмов возможно создание рабочих мест в тех областях, где искусственный интеллект пока ещё не демонстрирует своего господства – в области, например, гуманитарного образования и музыкального, в частности.

Музыкальное образование можно считать образованием будущего, поскольку в нём уделяется внимание не столько результату деятельности, сколько самому ходу обучения [1].

Возможно, «музыкальная безработица» – искусственный феномен, и его можно переосмыслить, преобразовать в адекватную противоположность: область оправданных инвестиций.

Музыкальное образование довольно легко адаптируется под изменяющиеся запросы населения. Создаются «школы для взрослых», изучается «эстрадный» профиль инструментального обучения, создаётся «облегчённый репертуар» для домашнего музицирования, не сильно одобряемый профессионалами. Но должно же быть и место компромиссам! (Вспомним лозунг советского времени: «Больше музыкантов хороших и разных»!)

Технический прогресс настолько ускорен, что происходит полная смена социальной жизни в рамках одного поколения. Это приводит к кризису выбора рода деятельности. Многим кажется, что большая часть юных музыкантов не сможет найти своего места в рамках избранной профессии. Действительно: рынок труда музыкантов сжимается беспрецедентно. Но если в других направлениях уже существует проблема утраты профессий, то в области музыки и музыкального образования, хочется верить, пока ещё это – кризис целей. Если мыслить оптимистически – «несмотря на приход новой реальности, человечество автоматически выработает какое-то решение» [10], то есть надежда, что в этом «цифровом» мире музыкант всё равно будет работать.

Положительным решением вопроса, почти утопическим, может стать расширение рынка труда для музыкантов, следствием чего будет и запрос на квалифицированных профессионалов.

Музыкальное искусство и музыкальное образование – это те области, где существует «запрос на человека» [10]. Уж если полуторавековое существование техники звукозаписи до сих пор не уничтожило формат публичных концертов, то прогнозы на будущее «живого» исполнения можно считать вполне оптимистичными. И если роботы всё более будут освобождать человека от рутинного труда, то почему бы ему, человеку, не сходить на какое-нибудь публичное мероприятие, например, концерт симфонической музыки?

Исследователи прогнозируют такое развитие событий, при котором профессии, «основанные на очень тонком взаимодействии, требующем интуитивного понимания, учёта индивидуальных особенностей, учёта человеческих странностей, комплексов, что происходит на уровне интуиции, будет несколько сложнее делегировать искусственному интеллекту» [10].

Таким образом, можно надеяться на то, что профессия музыканта в будущем будет востребована – быть может, даже в большей степени, чем другие гуманитарные профессии.

Сейчас кажется привлекательной мысль, что музыканты относятся к той группе профессионалов, которая будет существовать в будущем, в отличие от тех видов рабочей деятельности, которые явно и точно «исчезнут»: это кондукторы, билетёры, вахтёры и даже, возможно, библиотекари в читальных залах, если предположить, что читальные залы в принципе будут существовать. (Хотя библиотекарей в той их абсолютно человеческой части «интерьера» библиотеки неимоверно жаль.)

Музыкальные профессии более всего соответствуют «образованию в течении всей жизни», поскольку объёмы композиторских опусов поистине неисчислимы, и с каждым новым стилем, каждым новым произведением, музыкант открывает для себя новые профессиональные горизонты. Сегодня довольно сложно представить себе, что

можно заменить игру живого симфонического оркестра на искусственное воспроизведение по свежееиспечённой партитуре, предполагающей весомую долю живой импровизации.

Одним из направлений аргументации в пользу музыкального образования является стремление «убеждать родителей дать детям музыкальное образование не ради него самого, а для каких-либо иных выгод и приобретений», «учиться музыке не для того, чтобы быть музыкантом, а чтобы быть лучшим в любой профессии» [8, с. 46]. По мнению Д. К. Кирнарской, «стремление родителей отдать всех девочек и даже некоторых мальчиков «на музыку» уступило место другим, быть может, не менее благородным намерениям...», поскольку для прагматиков стал очевидным риторический вопрос: «зачем уделять столь большое внимание искусству, если в дальнейшей жизни и карьере оно не сыграет существенной роли?»

Тем не менее, если говорить об «образовательных приоритетах», то не менее очевидно и то, что дальновидные государства наращивают «человеческий капитал», умножая и активизируя художественное образование, а недалёковидные государства, преследующие сиюминутные выгоды, урезают долю искусств в школьной программе, не задумываясь о последствиях [8, с. 46].

Итак, музыкальное образование – это питательная среда для мозга, развитие коммуникативных навыков, развитие умения принимать решение на основе множественной противоречивой информации, совершенствование организации внимания, умения думать одновременно о многих вещах [8] и т.д. Разве не для этого, в том числе, так уверенно и стремительно развивалось массовое музыкальное образование в советскую эпоху?

Если обратиться к истории массовой музыкальной педагогики, то можно вспомнить о том, что всплеск её пришёлся как раз не на советское время, а ещё на XIX век, когда произошло разделение музыкального искусства на самостоятельные отрасли: композицию, исполнительство и педагогику. «Распространение музыкального искусства, рост числа оперных театров, симфонических и иных оркестров вызвали громадный спрос на профессиональных музыкантов узкой специализации. <...>. Музыкальная педагогика столкнулась с новой проблемой – подготовки и обучения массовых кадров исполнителей...» – пишет И. М. Ямпольский [11, с.14].

В советскую эпоху, сотрясаемую катаклизмами, естественно, культурные институции пришлось создавать заново, и массовая педагогика стала сильно нуждаться в профессиональных кадрах. Таким образом, возник новый этап, развития массовой педагогики и вместе с ней, собственно, создания уникальной системы музыкального образования, где переплетались интересы массовой и профессиональной педагогики.

Взаимосвязь этих направлений самоочевидна: именно в недрах сети «обычных» музыкальных школ-семилеток отбирались для дальнейшего профессионального обучения дети, для которых профессиональное обучение музыке было естественным продолжением жизненного пути. Выпускники двух систем обучения – школа плюс училище и школа-десятилетка – составляли абитуриентскую базу консерваторий, а дальнейшая их судьба планомерно решалась системой распределений. Лучшие выпускники

консерваторий были лишены возможности «остаться» в консерваторском городе и направлялись «отрабатывать» туда, «где они были нужнее всего».

Нельзя сказать, что нынешняя система музыкального образования сильно ностальгирует по советскому образу жизни, но устанавливаемый в ту эпоху порядок и определённое рассредоточение профессиональных сил вносили свой вклад в процесс децентрализации музыкальной жизни страны.

Переход к рыночной экономике серьёзно выявил прагматический подход к приобретению профессий, в том числе музыкальных, что и спровоцировало кризис целей в русле музыкального образования.

По мнению О. Л. Берак, в периоды бурного развития общества или в так называемые «быстрые эпохи» образовательные процессы имеют принципиально иной характер. Поскольку для этих эпох типичны преобразования во многих областях, и общество вынуждено постоянно решать много проблем для поддержания жизнедеятельности, «оно, как правило, не в состоянии достаточно четко сформулировать конечные цели, на которые должно быть ориентировано образование и воспитание во вновь сложившихся условиях» [1, с.62].

Описанное О. Л. Берак положение в обществе сильно напоминает «революционную ситуацию»: «с одной стороны, старшее поколение уже не в состоянии удерживать истинные ценности, а молодое поколение – выработать их самостоятельно» [1, с.63].

В кризисную эпоху очень сложно прогнозировать, на что ориентировать подрастающее поколение (ясность социалистических идей, на которых строилась ранее система воспитания как будто дала сбой). Выходом из этой ситуации, возможно, будет понимание того, «что детей надо подготовить к решению тех целей, которые ещё даже не забрезжили на горизонте, научить их находить средства для решения тех задач, которые ещё не стали актуальными» [1, с.63].

Есть мнения о том, что отношение к образованию в современном обществе серьёзно трансформируется. Приоритетными становятся другие задачи: повышение качества обучения, распространение высшего образования, которое, возможно, должно стать «столь же распространённым, как сейчас среднее, а возможно, и столь же обязательным» [5]; повышение квалификации на протяжении всего периода своей трудовой активности; активизация самообразовательных процессов на основе использования современных информационных и коммуникативных средств.

Но ключевым вопросом сегодняшнего музыкального образования можно считать такой: что следует считать результатом обучения [7, с. 37].

Для профессионального музыкального образования, очевидно, должно быть принято то, что эпоха узких специалистов осталась в прошлом (и это особенно заметно в тех случаях, когда выпускник трудоустраивается в регионах) и необходима «горизонтальная мобильность» [7, с. 37] профессионалов на протяжении активной творческой жизни, вплоть до готовности получать новые профессиональные навыки, необходимые для другой профессиональной модификации. (Например, многие педагоги-скрипачи без напряжения работают концертмейстерами-пианистами в своём скрипичном классе.)

Кроме того, необходимо учитывать современную тенденцию в обществе, которую определяют как получение образования для личного потребления [7, с. 43]. Иначе говоря, современный профессиональный музыкант может быть привлечён в образовательные структуры, в которых происходит обучение для любительского домашнего музицирования. (То, что профессиональные музыканты высочайшего уровня зарабатывали на жизнь «уроками» с дилетантами – общеизвестный факт.)

Готовность заниматься не только с профессионально ориентированными учениками – это своеобразная миссионерская сторона работы музыканта-профессионала. По мнению исследователей, в современном обществе изменился «субъект обучения». Во многом это обусловлено привязанностью современного человека к гаджетам, визуальному контенту, легко воспринимаемой информации.

Субъект музыкального обучения сегодня – это не только ребёнок, пришедший в подготовительный класс, осваивающий азы музыкальной грамоты, но и одарённый в музыкальном отношении, но компьютерно-зависимый младший школьник; к музыкальному обучению сегодня приходят и взрослые люди, в прошлом получившие начальное музыкальное образование, и старшие школьники, почувствовавшие интерес к занятиям музыкой.

Сегодня музыкальная школа идёт навстречу запросам ученика (в этом тоже сказывается «пользовательский» подход к «образовательным услугам»). Под интересы «потребителя» меняются документы, регламентирующие деятельность учебного заведения, составляются дополнительные программы развивающего характера, происходит перестройка учебного процесса.

В перечисленных изменениях есть и положительные, и отрицательные моменты. К положительным можно отнести дальнейшее развитие методов индивидуального подхода в связи с изменением контингента учащихся школ, к отрицательным – ярко выраженное снижение технических требований к освоению программ обучения вплоть до полного перехода от традиционного репертуара к облегчённым переложениям и поп-музыке.

Таким образом, профессиональный музыкант должен быть готов снова стать музыкантом синтетического типа, как это было в XVIII веке, когда в одном лице объединялся композитор, исполнитель и педагог. Музыкант XXI века становится мультиинструменталистом, аранжировщиком, педагогом, руководителем коллектива; должен владеть компьютером, использовать в своей работе современные мультимедийные технологии. И это один из ответов на поставленный нами вопрос о результате обучения.

С другой стороны, музыкант-профессионал нового типа должен быть востребован на рынке труда, и это проблема децентрализации профессионального искусства, развития культурной инфраструктуры регионов, в том числе, в области профессионального музыкального искусства и музыкального образования.

Развитие музыкально-культурной инфраструктуры регионов, в свою очередь, является инвестицией в человеческий капитал, который обеспечит отдачу в будущем, поскольку, как было отмечено выше, учить музыке можно не только для того, чтобы

воспитывать музыкантов-профессионалов, а и для того, чтобы повышать общий уровень креативности членов общества и поддерживать качество жизни населения.

Накопление человеческого капитала признано экономистами ключевым фактором социального благосостояния современного общества, а XX столетие названо веком человеческого капитала [6, с. 3]. Считается, что сказанное относится и к XXI столетию.

Все составляющие интеллектуального капитала [2] – знания, навыки, производственный опыт профессионалов; человеческого капитала – культура, образование, здравоохранение, наука – являются приоритетом антикризисной парадигмы и стратегии развития России [9]. А Россия музыкальная – это большое содружество регионов с их яркой культурной самобытностью.

Литература

1. Берак О. Л. Инновационное образование в кризисные эпохи // Культура и образование. 2014. № 1 (12). С. 61-64.
2. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. СПб: 2001. 288 с.
3. Васильев В. В. Информационное общество как культурный феномен // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 5. С. 129-144.
4. Гладуэлл М. «Гении и аутсайдеры. Почему одним все, а другим ничего?» Манн, Иванов и Фербер, 2018. 224 с.
5. Дополнительное профессиональное образование как стратегический ресурс развития культуры регионов: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (17 мая 2018 г.) / сост.: Р.И. Садриев, Е.Б. Гоглева, Т.В. Абалимова; гл. ред. Р.И. Садриев; Мин-во культуры Республики Татарстан; ИДПО. Казань: Медицина, 2017. 322 с.
6. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? М.: ВШЭ, 2012. 76 с.
7. Качество высшего образования / Под ред. М.П. Карпенко. М.: Изд-во СГУ, 2012. 291 с.
8. Кирнарская Д. К. Зачем нужно массовое музыкальное образование? Доказательство «от противного» основной вопрос: педагогика – наука или искусство? // Художественное образование и наука. 2016. № 3. С. 44-54.
9. Корчагин Ю. А. Модернизация экономики России должна начинаться с модернизации человеческого капитала. Воронеж: ЦИРЭ, 2009. 40 с.
10. Шестакова И. Г. Человеческий капитал в цифровую эпоху // Научный журнал Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 1. С. 56-63.
11. Ямпольский И. М. Ауэр и современное скрипичное искусство // Л. С. Ауэр. Моя школа игры на скрипке. Интерпретация произведений скрипичной классики. М.: Музыка, 1965. 274 с.

References

1. Berak O. L. Innovational education in times of crises // Culture and Education. 2014. № 1 (12). P. 61-64.
2. Brookings A. Intellectual Capital. SPb: 2001. 288 p.
3. Vasil'ev V. V. Information society as a cultural phenomenon // Social Sciences and Humanities. 2016. № 5. P. 129-144.
4. Gladwell M. Outliers. The Story of Success. Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 224 p.

5. Supplementary professional education as a strategic resource for developing the culture in regions of Russia. Materials of the IV International Scientific and Practical conference (17 May 2018) / editors: R.I. Sadriev, E.B. Gogleva, T.V. Abalimova; editor-in-chief R.I. Sadriev; Ministry of Culture of the Tatarstan Republic; IDPO. Kazan': Medicina, 2017. 322 p.
6. Kapeljushnikov R. I. What is the cost of the human capital of Russia? M.: Higher School of Economics, 2012. 76 p.
7. Quality of higher education / Edited by M.P. Karpenko. M.: SGU publishing department, 2012. 291 p.
8. Kirnarskaja D. K. Why do we need mass music education? Proof by contradiction and the main question: is pedagogy a science or an art? // Education in Arts and Science. 2016. № 3. P. 44-54.
9. Korchagin Ju. A. Modernisation of Russian economy should start with modernising the human capital. Voronezh: CIRJe, 2009. 40 p.
10. Shestakova I. G. Human capital in the digital era // Bulletin of the National Research University of Precision Mechanics and Optics. Series: Economy and Ecological Management. 2018. № 1. P. 56-63.
11. Jampol'skij I. M. Auer and the modern art of violin // L. S. Auer. My School of Violin. Interpretation of classical music pieces. M.: Muzyka, 1965. 274 p.